

Карло Гоцци

Бесполезные мемуары

Карло Гоцци

Бесполезные мемуары

«Автор»

1797

Гоцци К.

Беспользные мемуары / К. Гоцци — «Автор», 1797

«Происхождение моей семьи восходит к четырнадцатому веку и начинается с некоего Пецоло деи Гоцци. Генеалогическое древо, надлежащим образом затянутое паутиной, покрытое пылью, изъеденное червями, без рамы, но и без противоречий, подтверждает эти сведения. Не будучи испанцем, я никогда не обращался ни к какому генеалогисту за получением более раннего происхождения. Где-то есть исторические памятники, из которых точно можно понять, что моя семья происходит от неких Гоцце из Рагузы, основателей этой античной республики. В истории Бергамо отмечено, что Пецоло деи Гоцци был отмечен сенатом Венеции за то, что положил свою жизнь и свое имущество на борьбу против миланцев, поддержав свою провинцию с ее непобедимым и чрезвычайно милосердным руководством. Гоцци, став гражданами Венеции, возвели обиталища в этом городе для своих живых и своих мёртвых, как это можно видеть на улице и в церкви Сан-Касиано...»

© Гоцци К., 1797

© Автор, 1797

Содержание

Предисловие издателя	6
Предисловие переводчика	7
Предупреждение автора	9
Глава I	10
Глава II	13
Глава III	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Карло Гоцци

Бесполезные мемуары

Перевод с итальянского на французский П. де Мюссе, 50-е годы XIX века,
перевод с французского на русский Л.М.Чачко, 10-е годы XXI века

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Предисловие издателя

Карло Гоцци – драматург, создатель пьес-сказок «Принцесса Турандот», «Король-олень» и других, идущих до сих пор в театрах всего мира, жил в XVIII веке и умер на пороге нового века. Жизнь его протекала, казалось бы, спокойно среди каналов и стен родной Венеции, но какие литературные страсти, драматические истории ее сотрясали! В конце жизни он написал свои «Бесполезные мемуары», которые и сейчас читаются с захватывающим интересом.

Мемуары на русский язык не переводились, это первый перевод, слегка сокращенный и отредактированный. Читайте и получайте удовольствие!

Предисловие переводчика

Все у нас знают имя драматурга Карло Гоцци, знают его пьесы – сказки «Турандот», «Любовь к трем апельсинам», «Король-олень». Меньше известны другие его пьесы – всего в России было переведены и изданы все десять сказочных пьес. Эти пьесы – фьябы – и по сей день идут по всему миру, вызывая восхищение зрителя. В то же время в России почти никто не знаком с последним произведением его гения – «Бесполезными мемуарами (*Memorie inutili*)».

Карло Гоцци родился 13 декабря 1720 года в Венеции, жил в ней безвыездно, за исключением трехлетнего периода военной службы в венецианской колонии в Далмации, и скончался там же 4 апреля 1806 года. За свою жизнь Гоцци написал свыше двадцати театральных пьес, в том числе десять сказок для театра – «фьяб», ряд литературно-полемических произведений, множество стихов «по случаю», а также книгу воспоминаний. На закате дней он занялся изданием своих произведений – в 1797 году в Венеции выходит собрание его драматических и поэтических сочинений в семи томах и – отдельно – мемуары в трех томах.

Я не литературовед и не историк, интерес мой к личности и творчеству Гоцци любительский. Как-то, открыв книжку Гоцци «Десять сказок для театра», чтобы перечитать одну из любимых пьес, я обратил внимание на большую вступительную статью. Вот что пишет С. Мокульский, известный исследователь истории театра: «... «Бесполезные мемуары» Гоцци – одно из интереснейших его произведений и один из лучших памятников итальянской мемуарной литературы XVIII века». Заинтересовавшись, я постарался найти эти воспоминания, прочесть их. Разумеется, прежде всего ринулся в интернет, где, как известно, есть всё. Обнаружилось, что ссылки на «Мемуары», с самыми высокими комплиментами в адрес автора, встречаются в литературе часто. «Отойдя от театра, Гоцци занялся подведением итогов. В 1795 году он издает (хотя написаны они были еще в 1780 г.) свои замечательные «Бесполезные мемуары», в которых излагает свою жизнь и свои театральные взгляды» – пишет Н. Томашевский, исследователь творчества Гоцци.

Обширные фрагменты мемуаров в переводе Я.Блоха, одного из переводчиков «Сказок», приведены в «Хрестоматии по истории западноевропейского театра», под редакцией С. Мокульского, М.: Искусство, 1955). Всего в этом капитальном издании приводится 8 таких фрагментов, общим объемом около 15 страниц печатного текста. Тексты касаются моментов личной жизни Гоцци, его литературной полемики с драматургами Гольдони и Кьяри, его взаимоотношений с актёрами труппы Сакки, устройства венецианского литературного общества того времени, называемого академией Гранеллески. Фрагменты вполне литературно обработаны и снабжены ссылками на источник – капитальное итальянское издание.

Обнаружив такие куски литературного текста на русском языке, естественно, хочу найти и весь текст полностью, но – не нахожу!! Нет его в интернете! То есть, конечно, находятся в интернете «Бесполезные мемуары» Карло Гоцци, изданные на итальянском, в переводах на французский, на английский, на немецкий. Есть, наверное, и китайский перевод, но русского нет. Нет его и в библиотеках. Мной овладевает азарт, ищу по упоминаниям фамилии Блох. Постепенно погружаюсь в эпоху двадцатых годов, в среду поэтов Серебряного века. Есть Яков Ноевич Блох, человек интересной судьбы, входящий в литературные круги начала века, один из организаторов издательства «Петрополис», знакомый лично с Ахматовой, Кузминым, Лозинским, переводчик трёх из десяти «Театральных сказок» Гоцци. Есть Раиса Ноевна Блох – поэтесса, автор нескольких поэтических сборников (это на её слова Вертинский написал и исполнял известный романс: «Унесла печальная молва милые, ненужные слова – Летний Сад, Фонтанка и Нева...»), совместно с ней Яков Блох перевёл четвертую «Сказку» – «Король-Олень». Но не нахожу нигде (кроме как у С.Мокульского и в комментариях к изданиям «Сказок») упоминаний о русском переводе «Бесполезных мемуаров». Загадка.

В попытках разгадать тайну русских переводов произведений Гоцци поневоле втягиваешься в перипетии и сплетения судеб многих русских интеллигентов начала века. Я.Н. Блох в 1923 году, после кратковременного ареста сестры и жены по делу, по которому уже был расстрелян Гумилёв, эмигрировал с семьёй в Берлин и перевел туда издательство. С приходом в Германии к власти фашистов он переехал в Брюссель, а оттуда – в Швейцарию. Умер Яков Ноевич в 1968 году в Швейцарии. Трагичной была судьба его сестры – Раисы Ноевны Блох. Перебравшись в середине 30-х в Париж, она попыталась наладить там свою жизнь, но в 40-м году нацисты арестовали и отправили в концлагерь её мужа, в бесприютных скитаниях умерла их двухлетняя дочь. Раиса Ноевна пыталась перебраться в нейтральную Швейцарию, но была задержана пограничниками и выдана обратно в оккупированную Францию, там арестована и погибла в одном из лагерей уничтожения.

Можно с уверенностью предположить, что русский перевод мемуаров Гоцци (и перевод добротный) был сделан Я.Н. Блохом, но не был полностью опубликован и исчез (остались только известные фрагменты)! Единственное правдоподобное объяснение – в отъездных волнениях 20-х годов рукопись затерялась. Может быть, правда, лежит где-нибудь эта таинственная рукопись и ждёт своего часа, но мне её обнаружить не удалось.

В середине XIX века французский журналист и литератор Поль де Мюссе, брат знаменитого поэта Альфреда де Мюссе, предпринял продолжительную поездку по Италии, результатом которой явился ряд очерков по истории, нравам и культуре этой страны. Особенного его внимания удостоился образ венецианца Карло Гоцци. Мюссе перевёл его знаменитые Мемуары, подвергнув их некоторому сокращению и очень умеренному редактированию, а также написал и издал обширный очерк жизни и творчества венецианца. Для пользы и удовольствия я перевёл этот очерк. Не остановившись на этом, я имел смелость перевести на русский язык с французского текст перевода мемуаров Гоцци, сделанного Полем де Мюссе. Этот перевод и предлагается вниманию русского читателя.

Л.М. Чачко

Предуведомление автора

Если бы я полагал себя значительным человеком, например, великим святым, великим юристом, великим философом или, наконец, великим писателем, я не взялся бы писать историю своей жизни; я оставил бы эту задачу романистам, чья забота – осчастливить читателей, или ревностным почитателям, которые считают своим долгом наставлять потомство с помощью прекрасных примеров. Я видел слишком много людей, обладающих талантом прикрывать нелепости и прятать за спину неловкости в тщетной надежде, что изображаемое есть действительно они сами. Эти люди, в слепоте тщеславия, одеваются в некоторое подобие «*noli me tangere*¹», что выставляет их пугливыми, как необъезженные жеребята. Если вдруг они соизволят сотворить свою апологию, то выдают себе патент полубогов, две трети мира преисполнены зависти к их воображаемой славе. Их горькие слова уязвляют ближнего, не падающего ниц перед этим бурлескным «*noli me tangere*». Похвалы, которыми в своем великодушии они удостаивают небольшое число людей, блещут умеренностью, а люди, удостоенные их благосклонности, неизменно – либо дураки, которые ими восхищаются, либо плуты, которые им льстят.

Моей основной задачей было представить самому себе процесс своего развития и пригасить резвость своего самолюбия, ибо я замечаю вокруг себя, в каждом поступке, выражении лица и во взгляде эту общую заднюю мысль: «Смотрите на меня, рассматривайте, уважайте и бойтесь меня». Я нахожу некоторую пользу в этом исследовании, вот почему, хотя в этих мемуарах я много говорю о себе, о своей жизни, своей семье, своих путешествиях и литературных произведениях, я публикую их с подлинным чувством смирения. Я не заслужил ни фимиама от тех, кто любит меня, ни оскорбительных наклеек, которыми почтили меня мои враги. Я благодарен первым за их доброту и не испытываю ненависти ко вторым за их стремление меня разорвать. Такова жизнь – иметь друзей и врагов; возбуждать симпатии или антипатии своей внешностью, своим лицом, манерой говорить медленно или быстро, пространно или лаконично, наконец, своим темпераментом, при том, что твои нрав и поведение не будут ставиться ни во что. Я рад неприязни, возникающей по этим не зависящим от моей воли причинам; соответственно, я собираюсь писать свой портрет таким образом, что можно будет, если угодно, развлечься, набросав на этом материале мою карикатуру, и я постараюсь нарисовать истинную картину моего сердца, моих мыслей и моих вкусов таким образом, что изощренные и озлобленные умы смогут говорить обо мне со злорадством, не отступая от истины и не опасаясь противоречия.

У каждого в уме есть некая оптическая линза, которая в силу своего преломления представляет объекты этого мира в определенном свете. Если воспользоваться некоторыми крохами философии, моя оптическая линза склоняется больше в сторону Демокрита, чем к Гераклиту. Когда я обращался к своему разуму, подверженному рефлексии с поиющью упомянутой линзы, это приводило обычно к смеху и шуткам. Поскольку среди объектов, которые я выбирал для своих трактатов и сатир, обман и лицемерие пользовались моим предпочтением, я приобрел внушительное число врагов. Я часто вспоминаю среди моих сатирических войн прекрасную сентенцию мудреца: «Поучениями и остроумием вы развлекаете, но не завоевываете сердца». Не успокаивая себя мыслью, что мои враги разоружатся, когда смогут поиздеваться надо мной, после того как я поиздевался над ними, я не смущаюсь их гневом и даю чистосердечный отчет о своей жизни, с тем чтобы они смогли посмеяться на мой счет со всем своим удовольствием.

¹ не тронь меня – лат.

Глава I

Мои предки, моё рождение и моё воспитание

Происхождение моей семьи восходит к четырнадцатому веку и начинается с некоего Пецоло деи Гоцци. Генеалогическое древо, надлежащим образом затянутое паутиной, покрытое пылью, изъеденное червями, без рамы, но и без противоречий, подтверждает эти сведения. Не будучи испанцем, я никогда не обращался ни к какому генеалогисту за получением более раннего происхождения. Где-то есть исторические памятники, из которых точно можно понять, что моя семья происходит от неких Гоцце из Рагузы, основателей этой античной республики. В истории Бергамо отмечено, что Пецоло деи Гоцци был отмечен сенатом Венеции за то, что положил свою жизнь и свое имущество на борьбу против миланцев, поддержав свою провинцию с ее непобедимым и чрезвычайно милосердным руководством. Гоцци, став гражданами Венеции, возвели обиталища в этом городе для своих живых и своих мёртвых, как это можно видеть на улице и в церкви Сан-Касиано. Одна из ветвей нашего дома имела честь соединиться в XVII веке с патрицианской семьёй, после чего она сразу же угасла. Другая ветвь, из которой я происхожу, осталась в своем обычном буржуазном состоянии, за которое нам никогда не было стыдно. Ни один из моих предков не занимал тех высоких и доходных постов, претендовать на которые даёт право венецианское гражданство, из чего я пришел к выводу, что Гоцци были хорошие люди, мирные и совсем не интриганы. Двести лет назад прадед моего отца купил около шестисот арпанов (~2–3 тыс. акров) земли с постройками во Фриули, в пяти милях от Порденоне. Большинство из этих благ были «фьеф»²; иными словами, при каждом наследовании наследник должен возобновлять инвестицию, заплатив несколько дукатов в пользу государства. Чиновники феодальной палаты в Удине – люди замечательной бдительности. Если кто-то из наследников пренебрегает приношением дукатов и подтверждением верности правительству, они налагают секвестр на его наследие самым верным в мире образом. Это как раз и произошло, по забывчивости моей семьи, после смерти моего деда: мы вынуждены были уплатить большую сумму денег, чтобы получить эту весьма достойную инвестицию.

Мой титул графа, разумеется, должен сопровождаться некоторыми бумагами. Те, кто мне отказывает в этом титуле, ничуть меня не оскорбляют; мне значительно меньше нравится, если серьезно оспариваются те несколько владений, что мой отец мне оставил. Я сын Жака-Антуана Гоцци, который обладал пронизательным умом, весьма тонким чувством чести, вспыльчивым темпераментом, характером решительным, а иногда и ужасным. Воспитанный любящей матерью, которая приучила его с самого раннего возраста следовать всем своим капризам, пришел он вскоре к тому, что разорился на лошадях, собаках, охотничьем снаряжении, великолепных празднествах и т. д. Он женился неразумно, целиком следуя своим наклонностям. Его состояние позволило бы ему занять хорошее положение в свете, но он хотел сделать его слишком высоким. Моя мать, Анжела Тьеполо, была из известной в Венеции патрицианской семьи, которая угасла на моём дяде Чезаре Тьеполо, скончавшемся знаменитым сенатором к 1749 году. Преимущества рождения – для меня всего лишь игра случая; я не смотрю, откуда вышел, но смотрю, куда я иду. Я не знаю, огорчают ли плохие поступки предков, но они заставляют краснеть меня самого. Меня зовут Карло, и я вышел шестым из утробы моей матери, чтобы наслаждаться светом или, если вы предпочитаете, тьмой мира сего. Хотите цифры? Я вам скажу, что начал это писать тридцатого дня апреля 1780 года, мой возраст значительно превосходит пятьдесят, не достигнув однако шестидесяти лет. Я действительно не знаю ничего сверх сказанного и не стану докучать дьячкам, запрашивая моё свидетельство о крещении,

² ленное владение – юр. термин (прим. перев.)

будучи уверен, что был крещен, и не претендуя на роль дамского угодника. Я не боюсь, если где-то случилась ошибка; фасон моего платья и моей прически в порядке. Не будем же уделять слишком много внимания подсчету годов и не будем никого судить по возрасту. В любом возрасте можно умереть. Я видывал мужчин, которые выглядели как дети, молодых людей, замечательных своей зрелостью, стариков, полных огня, и старцев, которых стоило бы заворачивать в пеленки.

Нас было одиннадцать братьев и сестер, четыре мальчика и семь девочек, все крепкой природы и безупречных качеств; все подвержены литературной эпидемии, и мои сестры сами способны написать свои воспоминания, если такой зуд их настигнет. Забота о нашем образовании была поручена последовательно нескольким аббатам, которые из-за своей глупости и заигрываний с горничными были изгнаны один за другим. Мои наклонности раскрылись с самого детства; я был немного смешной, молчаливый, наблюдательный, невозмутимый, доброго нрава и привержен к учёбе. Братья, пользуясь моим мирным и тихим характером, сваливали на меня все прегрешения, которые они совершали, и, не устаиваясь извинения, я страдал от несправедливых наказаний с героическим постоянством. Невероятная вещь для ребенка – я равнодушно пережил такое ужасающее наказание, как оставление на хлебе и воде. Очевидно, я был тупым школьником или ранним философом.

Моим двум старшим братьям, Франко и Гаспаро, посчастливилось поступить в колледж и завершить там регулярное обучение, но, увы! беспорядочность нашего дома, расточительность моего отца, и быстрый рост семьи воспрепятствовали прогрессу моего образования. Я попал в руки сельского священника, а затем священника венецианского, хорошей нравственности и достаточно образованного. В лицее, который содержался двумя генуэзскими священниками, я продолжил своё образование с крайней любовью к книге и большим желанием учиться. Нас было двадцать пять учеников; за время обучения, как я видел, две трети моих одноклассников изучали грамматику, гуманитарные науки и риторику, пьянствуя в кабаках, таская мешки и крича на улицах: «Печеные яблоки, сливы и каштаны», – с корзиной на голове и весами, подвешенными к поясу. После долгих усилий, преодолев подводные камни, на которые меня швыряли повороты судьбы моего детства, я закончил кое-как образование, используя то малое, что получил в классах, и смог избежать невежества. Пример моего брата Гаспаро, чья страсть к учению, заслуживала похвалы, дополнительно подстегивал моё усердие. Я оставался привержен моим книгам. Поэзия, чистый итальянский язык и риторика воспаляли тогда соперничество молодежи Венеции. Сегодня в нашем городе мы не находим и следа этих трех прекрасных вещей, по причинам, о которых я расскажу позже. Не могу понять, что сделали мои современники с плодами своего образования, но я не знаю ни одного из них, кто был бы в состоянии написать три строки или изложить простейшее чувство без омерзительных ошибок в грамматике и правописании. Они похожи на персонажа французской драмы Мерсье³, который не мог написать срочную записку, потому что его секретарь отсутствовал. Мое же отношение к изучению этих трех легкомысленных предметов, поэзии, тосканского языка и красноречия, было так прилежно и так упорно, что от усталости я заработал кровотечения, слёг и продвигался к смерти, как Сенека. У меня отняли книги, письменные принадлежности и бумагу, но, едва поднявшись, я прятался дома на чердаке, чтобы работать. Аббат Вердани, библиотекарь семьи Сорано, человек большой эрудиции, сжалился над моей слабостью и страстью, которые он разделял. Он принял меня в свои друзья и пришел мне на помощь, направляя мои суждения и предоставляя мне редкие и ценные книги, наставляя меня в том, как различать хорошее и плохое и, в особенности, любить естественность и простоту. Я обязан ему познанием пути правды, но также несчастьем неспособности выносить дурной вкус и напыщенность, которые отравляют сегодня итальянскую письменность, испытывать только скуку, отвращение и анти-

³ Мерсье (Mercier) Луи Себастьян, 1740–1814, французский писатель (прим. перев.).

патию при чтении этой бессвязной, софистической продукции, с монотонным стилем и высокопарным жаргоном – грубым, темным, с корявыми периодами и смешной фразеологией. Я выучил французский, не для того, чтобы заиметь, согласно моде, возможность плохо изъясняться на этом языке, но чтобы изучить и понять огромное количество хороших и плохих книг, которые рождает эта великая нация, избранная судьбой, такая активная и такая смелая. Именно в этой иностранной литературе я нашел строгость стиля. Что же касается любви к правде, она была внушена мне с детства горячностью моего покойного отца, который никогда не упускал случая отвесить мне пару пощечин, услышав от меня ложь или заметив неискренность, за что сегодня я испытываю к нему глубокую благодарность.

Глава II

Комические инстинкты, отъезд в Далмацию, поэтический лимонад

Комедийный инстинкт в моей семье проявлялся в высшей степени, и наше появление где-нибудь всегда сопровождалось острым словцом. Кроме пьес, которые мы выучивали наизусть с чрезвычайной легкостью, мы успешно представляли импровизированные фарсы. Моя сестра Марина и я были особенно искусными обезьянами, представляя карикатуры, поражавшие обитателей нашего села. Мы добавляли к нашим комедиям буффонные интермедии, где изображали знакомых мужчин и женщин в их костюмах, и копия бывала настолько верна, что наши зрители крестьяне, узнавая оригинал, награждали нас громким смехом и осыпали аплодисментами. Отец и мать в один прекрасный день возымели фантазию тоже быть представленными на нашей сцене сестрой и мной. Они были обслужены согласно желанию и показаны с точностью со всей своей одеждой, отношениями и языком, и я даже осмелился показать их домашние ссоры по хозяйству. Такая дерзость не вызвала недовольства и привела их в хорошее настроение. Эти представления явились началом призвания, которое впоследствии принесло определенные плоды. Я играл сносно на гитаре и, перебирая струны, отваживался импровизировать стихи, что воспринималось как маленькое чудо теми, кто ничего не знает о поэзии. Импровизация, как правило, – жалкий способ оскорбить муз. Она развлекает толпу, слушающую с разинутым ртом банальности, и воздействует на вульгарные мозги ложным проявлением таланта, возмущая язык и поэзию. Слушая самых известных импровизаторов нашего века, я уверился в той истине, что среди потока стихов, извергаемых этими людьми с напыщенными жестами и воспаленным лицом к большому удивлению присутствующих, не найдется и страницы, достойной быть напечатанной, и среди тех, кто восхищается этим на слух, едва лишь двадцатая часть – возможные читатели. Это всегда только звуки, бессмысленные шумы, попытка вызвать восхищение уловками. Бедные эти люди подобны собаке таксе, идущей по следу чуда. Если бы художник захотел изобразить на холсте самозванство, скрывающееся под маской поэзии, он должен был бы изобразить его в виде импровизатора, с руками, воздетыми в воздух, и бессмысленным взглядом. Я прошу прощения у Бога за глупейшие стихи, которые читал родителям под звуки своей гитары.

Мне было четырнадцать лет, когда дела моей семьи совсем расстроились. Беспорядок, увеличение расходов, снижение доходов и дорогостоящий судебный процесс породили тревогу и печаль в нашем доме. Мой брат Гаспаро глупо женился на поэтической абстракции. Безразличный ко всему, что не имеет отношения к литературе, он почерпнул у Петрарки способ стать влюбленным. Его Лаурой была молодая девушка по имени Луиза Бергалли, старше его на два года, и, поскольку, к несчастью, Гаспаро никогда не останавливало поповское облачение, он женился на своей любовнице законным браком, после чего, спасаясь от забот о небогатом домашнем хозяйстве, погрузился с наслаждением в свои книги и по настоящему утонул в них.

Наша многочисленная семья была полна мужества и терпения и являла собой теперь образец самого нежного союза; между тем на нее легли все невзгоды сразу. Что можно было тут сказать? То, что говорят, не зная, что сказать: это злой рок. Самым жестоким ударом явился удар апоплексический, поразивший нашего отца и оставивший его томиться семь лет немым и парализованным, не забирая его нравственных качеств, как бы для того, чтобы он смог лучше почувствовать весь ужас своего положения. Это мучительное зрелище, слезы моих сестер, появление на свет некоторого количества малышей-внуков, которые заполняли дом криками, заставили решиться брата моего Франко отправиться на Корфу с генеральным мор-

ским проведитором⁴, Антонио Лореданом. Это мужественное решение внушило мне такое же – отправиться с Его Превосходительством Иеронимо Кверини, избранным проведитором Далмации⁵. Рекомендованный этому выдающемуся правителю моим дядей Тьеполо, я собрал лёгкую поклажу, куда входили мои книги и гитара, плача поцеловал мать и отчалил, в возрасте шестнадцати лет, в качестве волонтера⁶, в варварские провинции изучать военные и гражданские обычаи населения Далмации.

Галера «Генералиция» ждала нас в маленьком порту Маламокко. Я взошел на барку и был встречен с вежливостью и любопытством офицерами, которые осмотрели меня с головы до ног, дипломатично прощупали, засыпали вопросами и в итоге сердечно предложили мне свою воинскую дружбу. Страсть к игре, неводержанность и распутство располагались бивуаком в их сердцах без ущерба для амбиций. То была неизлечимая гангрена. Мое патриархальное воспитание, мое оправданное желание сохранить свое здоровье, легкость моего кошелька не позволили мне перенять привычки этих господ; но я никоим образом не пытался преподать им мораль иначе, чем своим поведением, и со временем мне удалось завоевать любовь всех. Когда мне доводилось принимать какие-либо приглашения на разгульную вечеринку, я по крайней мере нисколько не портил веселья гостям, и они были мне признательны. На галере среди матросов разразилась эпидемия, и мы осушали бутылки под раскаты голоса брата францисканца, который причащал умирающих.

По истечении двух дней генеральный проведитор прибыл на корабль под звуки фанфар и пушек. Этот синьор, которого я видел с десятков раз в его дворце и который всегда встречал меня с очаровательной любезностью, на сей раз, одетый в красное и при официальной должности, принял вид молчаливый, величественный и ужасный, не узнавая больше никого и приказывая заковать лучших офицеров в железо при малейшем упущении по службе. Эта суровая командирская маска – классическая традиция нашего древнего правительства. Поскольку я всегда с удовольствием исполнял свои обязанности, я не тревожился и старался не давать повода для строгостей Его Превосходительству. Проведитор, удалившись в свою каюту в глубинах inferнального судна, послал лейтенанта Микиели, майора Провинции, опросить офицеров и волонтеров об их именах и качествах, как если бы не было известно, кто мы такие. Каждый предъявил свои рекомендации и назвал своих покровителей. Когда пришла моя очередь быть допрошенным, я назвал свое имя. Эта сдержанная забывчивость оказалась хорошей политикой, и Проведитор стал менее строг в моих глазах. После двенадцати дней и ночей неудобств, скуки и бессонницы, мы, наконец, причалили в Заре⁷, столице Далмации.

Едва устроившись на квартире, маленькой и довольно нездоровой, я подхватил злокачественную лихорадку и оказался в двух шагах от могилы. Благодаря медику Его Превосходительства моё состояние ещё ухудшилось и я отправился бы уже в другой мир, если бы, по невероятному счастью, этот проклятый доктор не оставил меня, объявив, что я уже фактически мертвец. Природа ожидала его отступления. Как только не видно стало этого невежды, она благосклонно спасла меня посредством носового кровотечения. Капитан алебардистов по имени Массимо был мне санитаром, и с этого момента между нами установилась нестареющая дружба.

После того, как моё здоровье восстановилось, Проведитор, который симпатизировал мне и хотел предоставить мне средства, позволявшие следовать избранным путём, направил в мое распоряжение мастеров фехтования и инженера Марчиори, склоняя к упражнениям и изучению математики и искусства фортификации. Я посвятил себя этим трудам со своим обычным

⁴ Государственная должность в Венеции (прим. перев.)

⁵ Далмация – историческая область на северо-западе Балканского полуострова, на побережье Адриатического моря; в 1420–1797 годах находилась под властью Венеции (прим. перев.)

⁶ Волонтер – лицо, добровольно поступившее на военную службу (прим. перев.).

⁷ Задар (хорв. *Zadar*, итал. *Zara*) – город в Хорватии, в 1400–1800 гг. принадлежал Венеции (прим. перев.)

усердием. Я составлял планы, я стал экспертом в теории осад, я фехтовал с моим другом Массимо, непревзойденным мастером в этом дьявольски благородном искусстве, и увлажнял свою рубашку каждое утро, упражняясь с ружьем, пикой или шпагой. На стратегической шахматной доске мы формировали эскадроны деревянных солдат и моделировали военные схватки; я узнал, как захватить лучшие позиции, чтобы быть убитым скупой, убивать других с расточительством и заслужить славу, обогащая кладбища. Я был уже более чем наполовину воином, но решил в глубине души оставить эту блестящую профессию по истечении трех лет контракта. Червь честолюбия не нашлось ничего съедобного в моем сердце. Среди военных трудов мне на память вернулись некоторые заповеди мира и любви к ближнему. Между тем, инженер Марчиори внезапно умер от острого заболевания. Смерть этого офицера, чье предназначение было высоким и чья карьера была обеспечена, вызвала сожаление у всех, и я, следя за его гробом, подумал про себя, почему люди создают себе проблемы на пути взаимного уничтожения, когда сами столь подвержены естественным орудиям смерти – от болезней, климата, стихийных бедствий и времени. Я чувствовал охлаждение к своим геометрическим рисункам и стратегическим планам. Чтобы лучше изучить фортификацию, я перебрался с Массимо в маленький домик вблизи крепостных валов Зары, и наблюдал из своего окна, как солнце садилось в морские глубины. Я оставлял свои сухие трактаты и свои алгебраические уравнения, чтобы провожать глазами отца света в его огромном путешествии. Мечты, философия, поэтическое чувство просыпались в моей семнадцатилетней голове, и моя отнюдь не воинственная мысль галопом уносилась далеко за пределы контрэскарпов⁸; я возвращался домой, когда дневная звезда погружалась в свою ванну и не переставая твердила мне: «Измени свою жизнь, вернись к своим наклонностям и своим вкусам; ты родился не для того, чтобы убивать людей, а чтобы их развлекать и помочь им скоротать время без грусти».

В нашей аристократической республике, где побледнели бы от ужаса при одной мысли об абсолютном монархе, тиране или всемогущем доже, каждый Проведитор, губернатор, любой начальник, в пределах своей провинции, своего округа или своей команды является деспотичным правителем, со всеми слабостями, тщеславием, всемогуществом, любовью к лести, которые присущи короне. Город Зара в один из дней захотел явить свидетельство своего уважения генеральному Проведитору. На предмостье крепости был возведен с большими затратами деревянный цирк, красиво украшенный драпировками, распространили билеты и собрали подготовительное совещание поэтов и прозаиков края, на манер академии. Любой академик, согласно приглашению, должен был прочесть две композиции, будь то в прозе или в стихах, на такие две темы: первая – «Кто заслуживает наивысшей похвалы – миролюбивый принц, который сохраняет своё государство и делает счастливыми своих подданных, или принц-воитель, который присоединяет к своей области завоеванные страны?». Вторая композиция должна была быть панегириком в честь Его Превосходительства генерального Проведителя Кверини. Я не был приглашен на академическое заседание – президент, налоговый адвокат города, одетый в черный бархат и покрытый огромным светлым париком, не считал меня достаточно взрослым, чтобы представить стихи на конкурс. Такое пренебрежение показало мне, сколь скромным возделывателем литературной нивы я еще был. Однако я написал, для собственного удовольствия, два сонета по двум предложенным темам и в первом воздал хвалу мирному князю. Только мой друг Массимо знал о моих композициях, которые я тайком спрятал в глубине своего кармана.

В день празднования Проведитор взошел на трон на вершине лестницы. Академики расселись полукругом на первой скамье, толпа заполнила цирк. Стояла сильная жара, и я ощущал жгучую жажду. В углу был буфет, где слуги готовили прохладительные напитки. Я пошел за стаканом лимонада, но мне было отказано под предлогом, что напитки предназначены только

⁸ Контрэскарп – фортификационное сооружение, ближайший к противнику откос рва долговременного или временного укрепления (прим. перев.)

для чтецов и академиков. Этот афронт раздражил меня, я вытащил свои сонеты из кармана и собственной властью объявил себя академиком и чтецом. Те, кто считает поэзию бесполезным искусством, обязаны ей возмещением ущерба, потому что в моём случае и на моем месте они умерли бы от жажды, в то время как итальянские музы удостоили меня, по крайней мере один раз в жизни, нежной и сладкой награды. Моя первая смелость повлекла за собой другую: я занял место на деревянной академической скамье, к большому удивлению ассамблеи. Бог знает, какие напыщенные фразы звучали в цирке в течение трех часов! У меня в ушах еще звенит при мысли о них... Некий маленький аббат, больший подхалим, чем другие, с тех пор стал епископом, а его поэзия, наверное, заработала ему митру, как мне моя – лимонад.

Подошла моя очередь говорить. Я прогрохотал, как Юпитер, два своих сонета. Последний, прославляющий Его превосходительство, имел невероятное счастье весьма понравиться Проведитору, поэтому очаровал и публику. Мнение жителей Зары лбеспечило мне патент большого поэта. Назавтра вечером Его Превосходительство отбыл, в сопровождении свиты офицеров, среди которых был и я. Сидя верхом, Проведитор пригласил меня ехать рядом с собой и попросил прочитать снова мой сонет, прославляющий его. Мы пустились в галоп. Не замедляя скачки, я заорал сонет, с большим количеством каденций, трелей, полутонов и придыханий, причиной которых была моя лошадь, и никогда кусок поэзии не декламировался в таком ритме. Я думал, что мои товарищи будут смеяться надо мной, но нет, они завидовали моему везению и дорого заплатили бы за счастье играть на моём месте эту арлекинаду. «Карло, – сказал я себе, вернувшись домой, – ты можешь гордиться своей карьерой, ты был более тонким льстецом, чем любой из тех, амбициозных. Будь игроком, пьяницей, ленивцем, забудь свои рисунки и свои фортификации, тебе не нужна никакая иная рекомендация, кроме твоих пошлых рифмованных комплиментов».

Но не игры, не вино и не лень отвратили меня от геометрии и цифр; это было новое чувство, которого мое сердце еще не знало, – чувство, полное сладости, и источник тысяч зол. Но давайте остановимся и посвятим специальную главу жалостному рассказу о моих первых амурах.

Глава III

Далматинская любовь.

Я, в мои преклонные годы, должен был бы краснеть, рассказывая о своих любовных увлечениях в возрасте семнадцати лет, поэтому я рассказываю о них, краснея. Я всегда чувствовал большую склонность к женщинам. Едва я стал способен понимать разницу между полами, мне стало казаться, что женские одежды окутывают земные божества, и я с нетерпением искал их общества; но мое воспитание и мои религиозные принципы были мощными преградами, делая меня в юные лета весьма скромным в словах и сдержанным в поведении; эта скромность и это целомудрие не нравились красавицам, которых я знал. С моим отъездом в Далмацию я отбросил невинность как сущий вздор. Город Зара – это страшная опасность для наивных сердец. Для любви я был слишком мягок, нежен, романтичен, слишком метафизик. У меня было столь высокое представление о женской добродетели, что персона, положившаяся лишь на пылкость своих чувств, казалась мне чудовищем. Я не мог объяснить падение красоты иначе, чем ошибкой и невольным ослеплением под влиянием разделенной страсти, самозабвенной любви. Мне хотелось любви такой же силы и вечного постоянства; поэтому я никогда не имел счастья нравиться кому-либо, кроме демонов, как это всегда бывает с людьми моего склада. История моей первой любви не делает много чести представительницам прекрасного пола, но мне хотелось бы надеяться, что есть среди них феникс, о котором мечтало мое сердце, и лишь небо не сочло меня достойным с ним повстречаться.

Моя квартира на валу Зары состояла из просторной спальни и чего-то типа кухни. С одной стороны я видел море, а с другой – улицу. Напротив моего дома жили три сестры из хорошей, но обнищавшей семьи, знатность которой осталась в далёком прошлом. Старшая из трех граций была бы мила, если бы лицо ее не иссохло и глаза не ввалились от усталости и работы по дому. Вторая была сумасбродный чертенок, рожденная, чтобы нравиться, живая, хорошо сложенная, смуглая, с пышными волосами и глазами, как алмазы. В её скромных манерах проглядывали сила и огонь, сдерживаемые воспитанием. Третья, еще ребенок, казалась развившейся не по годам, и её физиономия свидетельствовала о наличии как хороших, так и плохих инстинктов. Я наблюдал этих трех нимф из окна своей кухни, когда они открывали свои, по правде, частенько не закрытые. Они не забывали поздороваться со мной очень приличным кивком головы, и я возвращал им привет с величайшей серьезностью. Вторая из трех сестер разработала кокетливую уловку, на которую я не мог не попасться: как только я заходил на кухню, чтобы вымыть руки, она открывала окно своей комнатки, брала мыло и тоже мыла руки, после чего приветствовала меня и устремляла на молодого соседа проникновенные взгляды, полные истомы. Её большие черные глаза источали манящую силу, трогавшую меня за сердце. Мне хватало четверти часа строгих размышлений, чтобы побороть это впечатление, и, не забывая о вежливости, я скрывал свое волнение под маской холодной и философичной серьезности. Одна женщина из Генуи, которая стирала моё бельё, принесла мне однажды утром корзину рубашек, в которой лежали прекрасные свежие гвоздики. «Откуда эти цветы?» – спросил я генуэзку. – Эти гвоздики, сказала она, вышли из ручек красивой персоны, живущей по соседству, на которую ваше благородие имеет жестокость не обращать никакого внимания. Посольство и подарок усилили мое волнение; но я приказал посланнице поблагодарить красивую соседку, сказав ей однако, что я не смог оценить очарование цветов. Говоря с такой суровостью, я ощутил, что голова моя закружилась и сердце смягчилось. Вернувшись в свою комнату, я стал серьезно размышлять над приключением: невозможно было думать о браке; далека была от меня и идея погубить репутацию любимой девушки. Я взвесил между тем на ладони лёгкий кошелек, который содержал всю мою скудную наличность, и с ужасом

увидел, что даже не могу облегчить бедность моей красивой соседки; я подавил беспощадно симпатию, привлекавшую меня к ней. Я прекратил мыть руки у окна, чтобы избежать кокетливого взгляда черных глаз. Бесплезная предосторожность! Однажды служащий у моих друзей офицер по имени Апержи позвал меня. Он был в постели из-за недомогания, которое вполне заслужил своими излишествами, и просил меня прийти составить ему компанию. Этот офицер жил у старой дамы, жены нотариуса. Матрона принялась журить меня по поводу моей серьезности, сказав, что мальчик семнадцати лет, имеющий вид серьезного пятидесятилетнего мужчины, являет собой по сути смешную карикатуру. Она добавила, что, доводя до слёз и терзаний очаровательную девушку, влюблённую в него до страсти, безбородый философ проявляет не мудрость, а дурное воспитание и злое сердце. В ходе этой поучительной проповеди офицер застонал, повернувшись в своей постели. Жаль, сказал он, что у меня нет ваших семнадцати лет, вашего здоровья, вашей славной физиономии, и я не нахожусь в подобных обстоятельствах! Я отлично знал бы, как ими воспользоваться. Едва приготовился я объяснить резоны своего поведения, как стучат в дверь и я вижу опасную красотку собственной персоной, пришедшую проведать больного. При виде её все слова застряли у меня в горле и сердце забилося жестоко в груди. Разговор зашел об общих предметах. Девочка объясняется с изяществом и умом, немногословно, но очень скромно и благоразумно. Ее выразительные глаза говорят мне ясно и без гнева, что я неблагодарный человек. В конце этого согласованного заранее визита старая дама не преминула спросить молодую девушку, должен ли кто-нибудь за ней прийти. Моя соседка краснея отвечает, что она оставила служанку присмотреть за сестрой, которая лежит в постели в жару. Ладно, говорит жена нотариуса, указывая на меня пальцем, – вот молодой синьор, который будет вам кавалером. О, – отвечает хитрая чертовка, – я не достойна такой чести. Вежливость не позволяет мне больше отступать. Я подтверждаю своё желание проводить девушку обратно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.